

Т. Круглова

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ТИМУРА И ЕГО КОМАНДЫ» И СИСТЕМА А. МАКАРЕНКО¹

Феномен популярности повести А. Гайдара «Тимур и его команда» проанализирован в контексте советской модернизации 1930-х гг. на фоне смены образцов детского героизма и социально-педагогических практик, в частности, системы А. Макаренко.

Ключевые слова: социальные практики, детский героизм, коллективизм, социально-педагогическая утопия, социалистический реализм, А. С. Макаренко, А. Гайдар.

Прагматически ориентированные философия и социология обратили внимание на связь между социальными практиками — привычными действиями — и значениями культурных текстов. Социальные практики, обретая на уровне повседневности рутинный характер, являются для исследователя источником раскрытия смысла человеческой жизни, в обычном режиме сокрытого для самих участников действия. С другой стороны, повседневные практики совершаются человеком как что-то необходимое, жизненно важное, потому что происходят на фоне значимых культурных текстов. Иначе говоря, практики и тексты являются значимым фоном по отношению друг к другу. Фон не является причиной тех или иных социальных действий, но знание о нем позволяет интерпретировать и понимать поступки людей так, как они сами не в состоянии их объяснить [Волков, Хархордин 2008].

Одним из способов объяснения популярности произведений А. Гайдара может быть анализ фоновых практик 1930-х гг., в частности, педагогической практики А. Макаренко. Можно даже сказать, что тексты Гайдара являются своего рода художественной проекцией системы Макаренко.

Детская литература — весомая часть массового чтения. Приступая к ее анализу, выделим в ней те признаки, которые детерминировались процессом социалистической модернизации. В этом процессе определяющую роль сыграл крестьянский габитус,

который повлиял и на основу социальной сделки между населением и властью, и на способы повседневной адаптации к переходу от аграрного общества к индустриальному, и на формы культурной революции. Е. Добренко в своей книге «Формовка советского читателя» [Добренко 1997] на основании анализа большого количества источников приходит к выводу, что в основу формирования идеального адресата 1930-х гг. легли габитусы неграмотного крестьянина и психологические особенности ребенка, соизмеримые по первоначальной наивности восприятия «высокой» культуры. Читатели этого типа хотели узнавать себя в искусстве, идентифицироваться с положительными образами должного, стремясь одновременно к правдоподобию и идеализированному прочтению повседневности. Неизбежно в таких условиях искусство, да и вся сфера художественных институтов, приобретает ярко выраженный педагогический характер. Обучение чтению как техническому процессу накладывается на чтение как духовно-интеллектуальный акт. Постепенно складывается целая система педагогической «формовки» идеального адресата.

Ускоренный характер советской модернизации генерировал поверх констант, свойственных всем историческим формам развлекательной культуры, мобилизационный эффект, что приводило к доминированию в массовом чтении общественно-политической литературы. «Краткий курс истории ВКП(б)» — первая книга, которую читали как массово, так и индивидуально, для себя, по видимости, вполне добровольно. Н. Козлова отмечает, что «чтение ‘Краткого курса’ было родом обучения новой рациональности в условиях модернизации сверху» [Козлова 1996, с. 204]. Обучения необходимого, поскольку условием и фундаментом индустриализации является «человек, способный не просто к дисциплине и организованности самим по себе, но к рациональному поведению, основанному на дисциплине» [Козлова 1996, с. 205].

Исследования советского языкового дискурса и речи, работы по социологии чтения показывают высокую степень совпадения заказа власти и давления со стороны массы, их взаимную адаптацию и заинтересованность. Это позволяет, например, С. Бойм выдвигать формулу соцреализма как кича: массовая культура плюс власть (политическая и экономическая) [Бойм 2000, с. 87–111]. Е. Добренко, систематизируя эстетические предпочтения массовых советских читателей по материалам прессы 1920–1930-х гг. на основании их собственных формулировок, составляет своего рода реестр качеств

«хорошей книги» [Добренко 1996, с. 99–101]: книга должна быть познавательной-полезной; книга должна учить; книга должна содержать практически полезные для жизни рекомендации; книга должна содержать ясную авторскую оценку событий; книга должна воспитывать; литература должна создавать картину будущей «хорошей» жизни; литература должна быть оптимистичной; литература должна быть героичной, возвышенной; герой книги должен быть образцом для подражания; в произведении должна быть показана руководящая роль коллектива; герой должен быть «как в жизни»; сюжет должен развиваться последовательно; оценка художественных достоинств книги зависит от того, каковы ее персонажи, и т. п.

В совокупности требования вырастают в стройную эстетическую программу и во многом совпадают с требованиями официального соцреалистического дискурса, из года в год повторяются и в документах власти, и в текущей художественной критике. На наш взгляд, объединяются эти, на первый взгляд, эклектичные требования приоритетом социально-педагогических задач, жадной обретения идентичности, «делания себя» по образцам героев. Важнейшим следствием перекодировки габитуса крестьянина и ребенка стало выдвигание на первый план литературы для подростков, которая могла бы читаться и взрослыми, недавно приобщившимися к чтению.

Какие интересы преследовала власть в деле конструирования «нового человека», какие образцы для подражания предлагались, какие практики стояли за этими процессами? Обратим внимание, что в потоке художественных произведений для детей в 1930-е гг. в центре далеко не всегда оказывается ребенок — образец послушания и прилежания. Чаще это активный, волевой, своенравный подросток, которым сложно управлять. Гайдар писал по этому поводу:

Почему во все века ребята неизменно играли в разбойников? Ежели подумать хорошо, то ведь разбой всегда считался делом плохим и всегда наказывался. А между тем ребята — чуткий народ, они зря играть не будут. Тут дело в другом. Дело в том, что, играя в разбойников, ребята играли в свободу, выражая вечное стремление к ней человечества. Разбойники же в прошедшие века были чаще всего выражением протеста несвободного общества. Советские же дети живут в иных условиях, в иное время, не похожее ни на какие другие времена, и поэтому игры у них другие, они не будут играть в разбойников, которые сражаются с королевскими стрелками. Они будут играть в такую игру, которая поможет советским солдатам сражаться с разбойниками [Гайдар 1971, т. 1, с. 20].

Каким же образом удавалось связать противоположные поведенческие модусы — героизм и послушание? Герой — человек, нашедший в себе волю противостоять внешнему давлению

в условиях, когда объективно силы неравны, в ситуации риска, негарантированного результата, а в пределе — смертельной опасности. Безусловно, героический поступок — это выход за пределы поведенческой нормы типичного человека своего времени, но в советском искусстве для детей и в педагогической практике произошла инверсия послушания и активизма. Социальная мифология героизма в 1930-е гг. служила инструментом формирования сознательности и дисциплинированности.

Социолог А. Вишневский показывает, что процесс масштабной социальной модернизации, который всегда проходит болезненно и трагично для простых людей, неизбежно сопровождается эмансипацией детей от старших и сопутствующими конфликтами отцов и детей [Вишневский 1997, с. 432]. Кроме того, новая социальная общность долг перед государством ставит выше семейного долга. Это общая закономерность для всех стран, находящихся в процессе перехода от аграрного общества к индустриальному. Соответственно, если традиционное общество настаивает на авторитете старших как на сакральной ценности, в городской, индустриальной цивилизации требование неукоснительного следования заветам отцов вовсе не является обязательным. Наоборот, приветствуется инициативность, самостоятельность, обеспечивающаяся критическим отношением к опыту прошлого.

Когда советская власть озабочилась конструированием образцов детского поведения в условиях новых требований, первым опытом создания образа пионера-героя был образ Павлика Морозова, скроенный по традиционным архетипическим калькам культурного героя-жертвы. В поступке Павлика как культурного героя бросается в глаза двусмысленность его отношений со старшими. Легендарный Павлик ослушался отца, но продемонстрировал полную лояльность по отношению к власти. Он проявляет инициативу, но в рамках предписанных властью ожиданий. Возникает реальная проблема: как расставить акценты в педагогической работе, чтобы избежать путаницы между предательством и законопослушностью, привязанностью к родителям и уважением к закону?

По мнению К. Келли, проведшей следствие по «делу Павлика Морозова», исторические факты свидетельствуют, что идея доношительства как доблести оставалась в процессе пропаганды Павлика в тени. Акцент был сделан, скорее, на бдительности, на надзоре детей над поведением старших и праве подростка на оценку, на выявление социальной нормы и борьбу с ее нарушениями.

В традиционной иерархии русской деревни дети должны были полностью подчиняться воле старших, особенно мужчин. За первые десять лет своего существования пионерское движение перевернуло эту иерархию с ног на голову, активно призывая детей поучать старших. Неудивительно, что зачастую в адрес молодого поколения шла ответная агрессия [Келли 2009, с. 26].

Вопрос, имеет ли право ребенок критиковать взрослых, не был сформулирован прямо, так как по этому поводу консенсуса в обществе не было, хотя идея о том, что долг перед обществом выше семейного долга, находила поддержку. Однако с середины 1930-х гг. официальная идеология стала проводить идею не конфронтации, а, напротив, усиления доверия между взрослыми и детьми. Кроме того, на первый план выводятся задачи образования, все большую поддержку получают детские увлечения: музыка, учеба, труд, изобретательство.

В сентябре 1940 г. «Пионерская правда» начала публикацию повести А. Гайдара «Тимур и его команда». Популярность Тимура разворачивалась на фоне спада интереса к Павлику Морозову, как это убедительно доказывает К. Келли. Деятельность тимуровцев не угрожает им смертью, она встроена в повседневную жизнь, не несет в себе потенциального конфликта со старшим поколением. Наоборот, активность тимуровцев символизирует социальную сплоченность детей и взрослых.

В изложении Д. Быкова все выглядит по-иному:

Это попытка создать — как правильно поняла советская власть, страшно на повесть обрушившаяся, — попытка создать романтическую альтернативу страшно заформализованному пионерству. Конечно, все, что делает Тимур, ужасно глупо. Ужасно глупы рисования звезд на домах, откуда ушли люди в армию, и звезды получаются по большей части кривые, еще глупее это штурвальное колесо, веревочки и связи, хотя кто из нас, положи руку на сердце, в таких же дачных поселках не выстраивал этот самодельный телефон и веревочный телеграф. Приятно же вместо того, чтобы идти к другу на другой конец поселка «рассказать, что солнце встало», дернуть три раза за веревочку — и прозвенел колокольчик. Разумеется, все тимуровские идеи ужасно нейтральны в лучшем случае, глупы — в худшем, и не заслуживают серьезного разговора [Быков 2012].

В интерпретации Д. Быкова Гайдар предстает как автор, критически относящийся к социальным новациям, к педагогическим экспериментам, альтернативу которым он видит в формах, напоминающих скаутское движение. Более того, и привлекательность Тимура Быков объясняет ретроспективно, выделяя в его образе черты популярных героев прошлого:

Тимур — это герой-жертва, жертва с самого начала. Ясно, что он вечный одинок, ясно, что у него никогда не будет счастья. ... При всей романтической ква-

дратности, неудобности, стилистической невыверенности, при всех абсолютно смешных и неловких частностях «Тимура и его команды», при всей этой помощи старикам, инвалидам, родственникам красноармейцев, в нем есть поразительный образ рыцаря, рыцаря-одиночки и рыцаря-чужака, у которого все равно нет практически никакого выхода. Он обязательно закончит либо одиночеством, либо предательством всей своей команды, либо гибелью на войне, и это совершенно нормальный путь [Быков 2012].

Трактовка Д. Быкова возникла в результате опоры на систему фоновых практик доносительства, конформизма, террора: в биографии Тимура автор увидел пока еще скрытые признаки судьбы многих честных, инициативных людей, активно участвующих в строительстве нового общества, взявших на себя ответственность за принятие важных решений, идейно полностью принявших доктрину социализма, преданных власти. Именно этот набор качеств в конечном итоге не позволял им сделать настоящую карьеру при сталинизме, более того, над ними постоянно висела угроза репрессий.

Если ориентироваться на иные фоновые практики — педагогические, бывшие инструментом подготовки агентов для дисциплинарного общества, для формирования социально-политического единства, внутри этой парадигмы Гайдар выглядит не противником, а союзником новых культурных практик и соавтором и популяризатором такого важнейшего социального изобретения как коллектив / команда. Собственно, модель организации детей, которую придумал А. Гайдар в «Тимуре и его команде», как раз и стала одним из источников последующей «заформализованности» детской инициативы.

Появление Тимура обозначило поворот в героическом мифе. К. Келли отмечает высокую степень уверенности властей во всеобщей популярности книги среди детей.

Устная история полностью подтверждает это впечатление: даже те взрослые, которые критиковали другие аспекты советской жизни, сохранили теплое чувство к этому герою. Женщины того поколения, которое я интервьюировала, при упоминании Тимура просто млели. «Мы в это время (то есть когда вышел фильм. — К. К.) были уже подростки... И мы были в него просто влюблены...» — вспоминает одна из них (1931 года рождения). «Он был просто светоч для нас», — добавляет другая [Келли 2009, с. 187].

Оставляя в стороне другие причины популярности Тимура среди читателей / зрителей, отметим, что в образе Тимура сошлись конструирующие усилия власти и повседневные практики адаптации к модернизационным новациям. Прежде всего, Тимур — новый тип героя, умеющий решать житейские проблемы коллективистскими способами, обладающий навыками подключения ресурса команды к

достижению социально-значимых целей. Популярность этого героя можно объяснить в том числе значимостью и растущей массовостью его социальных навыков.

Истоки популярности Тимура становятся более явными на фоне формирования педагогической системы А. С. Макаренко, поставившего целью превратить детскую асоциальную общность («банду») в хорошо управляемый и контролируемый коллектив дисциплинированных и сознательных агентов, способных к горизонтальным формам контроля и организации жизни внутри коллектива, готовых к решению задач индустриализации, службе в армии, работе на заводе. Макаренко в поисках такой социальной формы, которая была бы адекватна задачам индустриализации и в целом обществу модерна, сделал важнейшее социальное изобретение — коллектив, не известный в традиционном обществе, опиравшемся на иные формы совместности.

Многие исследователи советской модернизации и истоков российского тоталитаризма отмечали неопределенность и нестабильность социальных норм в обществе 1920-х гг., аморфность социальных связей [Фитцпатрик, Людтке 2012]. Внутри рыхлой социальной ткани стихийно генерировались архаические формы асоциальной совместности. С. Ушакин считает деятельность А. С. Макаренко одним из наиболее ярких примеров практики и технологии социального конструктивизма, в котором риторика природного и риторика социального нашли относительно гармоничное соединение. Ссылаясь на М. Бермана, он замечает, что советская — компенсаторная — модель производства современности ведет к тому, что, соответственно, и «модернизация из процесса обновления сложившегося порядка превращается в процесс управления рисками. ‘Модернизация-как-рутина’ (*modernization as routine*) подменяется ‘модернизацией-как-приключением’ (*modernization as adventure*)» [Ушакин 2005]. На наш взгляд, изнутри формулы «модернизации-как-приключения» находится место для инверсии героизма и послушания, активизма и дисциплины, смелости и боязни неопределенности.

Макаренко, исходя из того, что такая социальная форма, как коллектив, не может возникнуть вне рационально направляемых усилий по их конструированию, приучал детей использовать коллективные действия для решения почти любой проблемы [Хархордин 2002]. Чтобы избежать угрозы «сползания» подросткового сообщества в банду, была создана четырехфазная модель формирования идеального коллектива:

1. Сплотить в спонтанном действии в ответ на серьезную внешнюю угрозу. Формируется привычка и создается ощущение команды. В этот момент появляется определенная мистика коллектива, так как колонисты чувствовали, что в результате совместного действия у них прибавляются силы.
2. выявлять и разрушать спонтанно складывающиеся группировки. Возникает актив.
3. Формирование цели — не узкогрупповой, а социально значимой.
4. Система самоуправления. Макаренко теперь вмешивается время от времени, чтобы ограничить мощь коллектива, способного раздавить каждого из своих членов [Хархордин 2002, с. 111].

В новых практиках социализации дети трактовались как помощники взрослых. Цель детского коллектива — доказать взрослым, что дети — тоже взрослые. В этом отношении навыки сотрудничества, кооперации, взаимной ответственности, скорости коммуникации, согласованности всех действий команды, которую возглавляет Тимур, впечатляют своим совершенством. Команда Тимура возникает неким чудесным образом, неясно, кто ее создал, где она взяла схемы действия, через какие этапы и драмы она прошла: она представляет собой уже полностью готовый коллектив. Тимур и его команда в полной мере демонстрируют высшую степень готовности подросткового коллектива решать взрослые социальные задачи, они вообще не нуждаются в помощи и руководстве взрослых, сохранение тайны их деятельности и должно доказать — прежде всего взрослым! — что коллектив вполне сформировался.

В повести показана высокая степень скоординированности действий команды: «И бесшумно, проворно, одними только им знакомыми ходами они неслись к какой-то цели, на бегу коротко переговариваясь» [Гайдар 1971, т. 3, с. 49]. Во время наполнения бочки водой ребята действуют как хорошо отлаженный механизм, не допуская ни одного лишнего движения: «Качай! Давай! Бери! Хватай!»; «И, как стайка стрижей, ребята стремительно и бесшумно умчались прочь»; «Плечо к плечу, плотной стеной ребята молча шли на Женю» [Там же, с. 105]. «Он (Сима Симаков. — М. Л.) сунул малышу в рот горсть земляники, всучил ему в руки блестящее перо из крыла галки, и вся четверка рванулась укладывать дрова в поленицу» [Там же, с. 118]. Экономность движений присутствует во всех действиях команды, апофеозом становится ночная операция по обезвреживанию шайки Квакина: «Подходили подкрепления. Собирались мальчишки, их было уже много — двадцать-тридцать. А через дыры заборов тихо и бесшумно проскальзывали все новые и новые люди» [Там же, с. 140]. Особо обращает на себя внимание частотность слов «бесшумно», «молча»: подростки действуют, не дожидаясь приказа, что соответствует установке Макаренко на «невидимую силу и власть коллектива».

Команда четко структурирована, все распределены по «пятеркам», накануне каждого дня вечером на совете выслушиваются отчеты руководителей «пятерок», оцениваются, разбираются ошибки, выявляются слабые места, планируются дела на следующий день. В команде царят дисциплина и отчетность: у Тимура есть клеенчатая тетрадь, где ведется учет добрых дел. Точно так же была организована жизнь отрядов в колонии у Макаренко. Как писал Макаренко в своей «Педагогической поэме»:

Каждый колонист знал свой постоянный отряд, имеющий своего постоянного командира, определенное место в системе мастерских, место в спальне и место в столовой... Благодаря именно этому наша колония отличалась к 1926 году бьющей в глаза способностью настроиться и перестроиться для любой задачи... [Макаренко 1971, т. 1, с. 203].

Коллектив конструируется, в том числе, и благодаря концепту «культурности» [Волков 1996], включающему в себя аккуратный внешний облик, осанку, сдержанность эмоций, правильность речи, книжность. В облике и поведении самого Тимура постоянно подчеркиваются его немногословность, строгость, аккуратность. Красота формы, дисциплины, порядка. К этому он приучает и других: «Ты иди ровно, — ворчал Гейка на Колю. — Ты шагай легко, твердо» [Гайдар 1971, т. 3, с. 130]. Тимур следит за тем, чтобы знак звезды на воротах был сделан красиво, не криво: «Взялся делать — сделай хорошо. Люди придут — смеяться будут» [Там же, с. 110].

В описаниях Макаренко тема строя, порядка, формы как признака новой культуры имеет огромное значение:

Колония встретила новеньких на вокзальной площади, окруженная тысячами зрителей, встретила блестящим парадом, строгими линиями развернутого строя, шелестом знамен и громом салюта «новым товарищам». Польщенные и застенчивые, придерживая руками беспомощные полы клифтов, новенькие заняли назначенное для них место между третьим и четвертым взводами. Колония прошла через город. На привычном фоне первомайцев новенькие и на себя и на других производили сильное впечатление [Макаренко 1971, т. 3, с. 140].

Команда постоянно противопоставляется шайке. Макаренко в колонии решал задачу превращения десоциализированных подростков в членов коллектива, и хотя никакого превращения хулигана в образцового пионера у Гайдара нет (оно намечено перспективно, так как Квакин в финале явно начинает тяготиться своим окружением и завидовать Тимуру), оппозиция определяет драматургию повести. «Сима гордо пропел: “Мы не шайка и не банда, не ватага удальцов, мы веселая команда пионеров-молодцов”» [Гайдар 1971, т. 3, с. 120].

Если Квакин — атаман, то Тимур — командир, квакинцы — расхлябаны и развинчены, тимуровцы — собраны и подтянуты. На досуге компания квакинцев играет в карты позади часовни, «правей картины “страшного суда” с котлами, смолой и юркими чертями. Резались на “оживи покойника”» [Там же, с. 124], стегая проигравшего крапивой по голым ногам. Игры отсылают к воровским обрядам. Неслучайно выбран и фон — «страшный суд» с нестрашными чертями, ведь в финале повести Тимур и его команда осуществляют суд над малолетними преступниками.

Обе группы противопоставлены и по методам борьбы: квакинцы привычно оперируют мордобоем, тимуровцы избегают физического насилия, апеллируя к общественному мнению, когда на будке, где под замком сидят члены шайки, вешают обращение к гражданам. Они действуют с позиции морального превосходства: «Ступай, — сказал Тимур Квакину. — Ты смешон. Ты никому не страшен и не нужен» [Там же, с. 143]. Тимуровцы используют возвышенную и высокопарную лексику книжного происхождения, слова из политического лексикона («ульгиматум») в письме-предупреждении к шайке. Ответ шайки грубый и «некультурный»: кукиш и ругательства.

Базовая оппозиция команды / шайки принимает формы символической войны, так как письмо тимуровцев написано, исходя из видения компании Квакина как враждебной державы. Тимуровцы знают правила ведения войны, так как военизированные ритуалы являются важнейшим способом структурирования подросткового коллектива. Исследователи системы Макаренко связывают превращение банды в нормативное сообщество благодаря опоре воспитателей на военизированные ритуалы [Фитцпатрик, Людтке 2012], но деятельность команды Тимура опирается на навыки, свидетельствующие, скорее, о готовности ребят к партизанским методам, конспирации, подполью. Тимуровцы используют систему оповещения, позволяющую по сигналу общей тревоги мобилизовать значительное число людей. Мы так и не узнаем, сколько всего человек охвачено этой сетевой организацией: сначала мы знакомимся с десятком ребят, которые помогают детям и старикам, потом станет известно, что в операции захвата шайки Квакина принимали участие 30–40 человек, наконец, в последнем разговоре с дядей обнаруживается, что эта цифра еще больше: «Сейчас сюда примчится сто человек. — Эге, — удивился Георгий, — Да у вас команда большая. Ее можно погрузить в эшелон и отправить на фронт» [Гайдар 1971, т. 3, с. 166]. Важно, что одобрение команда Тимура получает от взрослых военных, от

полковника Александрова и лейтенанта Гараева, последний даже видит в отряде Тимура готовое воинское подразделение.

С определенного момента детство перестает быть прозрачным для взрослых, что всегда чревато негарантированностью поведенческой нормы и повышением уровня рисков. Дети в отсутствие взрослых актуализируют асоциальную сеть взаимодействий, перераспределяя власть от формального лидера к неформальному, выводя на первый план принцип удовольствия. В обществах модерна проблема установления границ между эмансипацией детей от взрослых и контролем выходит на первый план и не носит однозначного решения. У взрослых существует постоянное недоверие к подросткам, подозрительность к их существованию за пределами видимости.

Система Макаренко учитывала объективные законы возрастной психологии и универсальные антропологические особенности социализации подростков. Особенность модели, которую Макаренко создал в своей колонии, заключалась в парадоксальном совмещении разных векторов самоорганизации: с одной стороны, высший этап развития подросткового коллектива проявляется в способности адекватно решать проблемы в отсутствие надзора со стороны взрослых, с другой — ответственность взрослого руководителя сохраняется максимально. Специфика и новизна системы Макаренко в трактовке Хархордина видится в создании горизонтальных связей надзора внутри коллектива [Хархордин 2002]. Коллектив связывает всех членов узами общей ответственности и в то же время становится как бы оком вертикальной власти, в том числе и власти взрослых, если речь идет о подростковом коллективе. Макаренко удалось достичь впечатляющих результатов, используя символический ресурс и привлекательность «тайны» в практиках формирования коллектива.

Исторический материал показывает огромную роль тайных мужских союзов и их власти, генетически восходящих к инициационному комплексу. Тайные общества никогда не исчезали из истории общества, в ней всегда существовало напряженное взаимодействие между легитимной «дневной» властью и тайной «темной». В обязанности членов тайных союзов входило отправление правосудия, улаживание всевозможных конфликтов, разрешение вопросов войны и мира и т. п. Команда Тимура присвоила себе тайную власть, которая архетипически воспринимается как возможное соперничество с легитимной властью или угроза ей. Именно тайная деятельность команды заставляет взрослых воспринимать их как банду, самих ребят — как хулиганов, а их лидера — как атамана шайки. Дядя

говорит Тимуру: «Ты смотри! Я все замечаю. Дела у тебя, как я вижу, темные» [Гайдар 1971, т. 3, с. 152]. Тайственное поведение племянника подозрительно и непонятно еще и потому, что дядя не знает ему аналогов, оно беспрецедентно: «Дядя, — остановил его Тимур, — а когда вы были мальчишками, что вы делали? Как играли? — Мы?.. Мы бегали, скакали, лазили по крышам, бывало, что и дрались. Но наши игры были просты и всем понятны» [Там же]. Новое поколение играет в свои игры, и эти игры — не совсем игры, они больше похожи на социальный тренинг. Ведь, согласно Макаренко, коллектив должен иметь цель, выходящую за пределы узкогрупповых (можем добавить, и узковозрастных) интересов.

Это недоразумение может показаться всего лишь драматургическим приемом, позволяющим держать внимание читателя в напряжении. Действительно, в финале тайное становится явным, команда Тимура легализуется, ее деятельность становится прозрачной и при этом одобряемой взрослыми. Цель — доказать, что подростковый коллектив может решать взрослые задачи, — достигнута. Доказательством этого становится поступок Тимура, когда он нарушает сразу несколько запретов: взламывает замок сарая, берет мотоцикл дяди и мчится ночью в Москву: «Спрашивать позволения было не у кого. Дядя ночевал в Москве... Он знал — так делать было нельзя, но другого выхода не было. Сильным ударом он сшиб замок и вывел мотоцикл из сарая» [Там же, с. 158]. То, что тайна не открывается взрослым до самого конца, важно, прежде всего, по социально-педагогическим мотивам: конспирация от своих основана не на страхе разоблачения, а на стремлении удержаться в зоне автономии, в намерении доказать свое право быть рядом с взрослыми.

На наш взгляд, это недоразумение носит в повести базовый характер: здесь все принимают друг друга не за тех, кем являются: «Кто вас разберет! — пожала плечами Ольга. — То вы инженер, то вы актер, то командир» [Там же, с. 138]. Ольга принимает разговор Квакина и Тимура за беседу лучших друзей. Доктор Колокольчиков жалуется дяде Тимуру, что его племянник хотел его ограбить. Дядя Тимура считает, что Женья — воровка и хулиганка, самого Георгия молочница принимает не то за бандита, не то за сумасшедшего. Старший Гараев, переодевшись и в гриме старика, сбивает с толку окружающих. Записку от Тимура к Жене Ольга и Георгий понимают превратно: «не бойся» — значит, «не слушайся». Оговор и неверное истолкование опасны: «Женья (в бешенстве): Вот так, ни за что и пропадают люди!» [Там же, с. 152].

Все сначала видят плохое, излишне подозрительны и не доверяют очевидным вещам, но, в конце концов, все выясняется, все занимает свое место согласно номинациям, и мир оказывается лучше, чем казалось сначала. Это базовое, отнюдь не лишнее комизма переворачивание масок и ролей, напоминает архетипическую инверсию культурного героя и трикстера. Мир с неустойчивыми идентичностями порождает всеобщую подозрительность, но и в системе Макаренко, и в художественном мире Гайдара побеждает доверие. Один из самых известных педагогических приемов Макаренко, которым он и сам дорожил, была практика ответственных заданий недавнему уголовнику, новому члену коллектива, еще не прошедшему весь цикл педагогической обработки. Макаренко рисковал, но положительный результат должен был доказывать эффективность его системы.

Метод сопоставления текстов и фоновых практик позволяет интерпретировать финал повести Гайдара, исходя из нашего знания того, что происходило за ее пределами, в повседневной педагогической деятельности. «Разоблачение» Тимура, по сюжету, выглядит как позитивный исход ситуации навета на Тимура, как его реабилитация, как начало гармонии между взрослыми и детьми. Но на самом деле именно выход тимуровской деятельности из «подполья» кладет конец его команде: мы знаем, что тимуровское движение будет формализовано, подотчетно и абсолютно прозрачно для контроля взрослыми.

Повесть «Тимур и его команда» можно отнести к жанру социально-педагогической утопии: сами дети не могут создать идеальный коллектив. Квалификации произведения как утопического способствует и отмеченное выше чудесное происхождение самого Тимура и его команды.

Система Макаренко дает нам ключ к объяснению того, откуда в 1930-е гг. берутся такие Тимур, ведь она всерьез повлияла на практики формирования советской коллективности. Тимур ведет себя как идеальный колонист, прошедший школу макаренковской системы, но при этом он — обыкновенный мальчик без криминального или военного прошлого, дитя мирного времени, вполне благополучный подросток. В повести он сам выполняет функции Макаренко, выступая в роли изобретателя своей идеальной команды.

Примечание

¹ Статья написана в рамках реализации гранта РГНФ № 13-23-08002.

Источники

Гайдар А. Собр. соч.: в 4 т. М.: Детская литература, 1971.
Макаренко А. С. Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1971.

Исследования

Бойм С. «За хороший вкус надо бороться!»: Соцреализм и кич // Соцреалистический канон. М., 2000.

Быков Д. СССР — страна, которую придумал Гайдар [Электронный ресурс] // Проект Лекторий «Прямая речь», 19 января 2012 г. URL: <http://www.pr-space.ru/lectures/view>

Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2.

Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008.

Добренко Е. Формовка советского читателя: социально-эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Алетейя, 1997.

Келли К. Товарищ Павлик: Взлет и падение советского мальчика-героя. М.: Новое лит. обозрение, 2009.

Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996.

Ушакин С. Поле боя на лоне природы: от какого наследия мы отказывались [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. 2005. № 71. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/usha15.html>

Фицпатрик Ш., Людтке А. Заряжая энергией повседневность. Социальные связи при нацизме и сталинизме // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.

Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002.